

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АЛЬЯНС

Самвел Маркарян

Институт востоковедения Российско-Армянского Университета, Ереван

Abstract

The article discusses an episode of the history of the Mongol conquests in Iran and the South Caucasus. After defeating the Khorezmshahs (1219-1221), the Mongols pursued Sultan Jalal ad-Din for 11 years and tried to remove him from the throne. Having rushed across the expanses of Iran, India, Afghanistan, Iraq and the South Caucasus, the Sultan Jalal ad-Din repeatedly tried to create an anti-Mongol alliance. His unsuccessful attempts brought him to the Georgian kingdom of the Bagratians. Even after defeating the Georgian-Armenian army at Garni, the Sultan tried to enter into negotiations with the Georgian royal court in order to create an alliance against the Mongols. However, the negotiations were unsuccessful, and the union failed to be established.

Keywords: *Mongols, Khorezmshahs, Sultan Jalal ad-Din, Georgian Kingdom, Negotiations in Bjni, Georgian Elite*

Аннотация

В статье рассматривается эпизод из истории монгольских завоеваний в Иране и на Южном Кавказе. После разгрома державы Хорезмшахов (1219-1221 гг.) монголы еще 11 лет преследовали и пытались уничтожить наследника престола султана Джалал ад-Дина. Метаясь по просторам Ирана, Индии, Афганистана, Ирака и Южного Кавказа, султан Джалалад-Дин неоднократно пытался сформировать антимонгольский союз всех мусульман. Его безуспешные попытки привели его в Грузинское царство Багратионов. Даже после разгрома грузино-армянской армии у Гарни, султан попытался вступить в переговоры с грузинским царским двором о союзе против монголов. Но переговоры не увенчались успехом, и союз так и не был создан.

Ключевые слова: *Монголы, хорезмийцы, султан Джалал ад-Дин, Грузинское царство, переговоры в Бжни, грузинская знать*

В начале XIII в. в степях Монголии образовалось новое государство-держава “Потрясателя Вселенной” Чингиз-хана. С самого начала в качестве программы нового государства вождь монгольских племен провозгласил завоевание мирового господства. Военское искусство монголов в соединении с достижениями китайской цивилизации в административной, налоговой, технической, коммуникационной, иерархической, строительной и других сферах жизни должно было привести к созданию прочного государства “на вечные времена”. Однако уровень развития культуры, духовности и технических достижений покоренных народов часто превосходил те же параметры у завоевателей. Монголы не могли предложить создавшимся после завоеваний государствам ничего, кроме насилия и беспощадного взимания налогов с покоренных народов. Очень скоро это привело к потере первоначальной пассионарности и сползанию всех монгольских государств к обычным феодальным владениям с кочевнической спецификой.

Монгольские завоевания в Иране, Центральной Азии и на всем Ближнем Востоке привели к “беспрецедентному этническому смешению” кочевых и оседлых народов на огромной площади (см, в частности, Ру 2018: 129-130).

После шести веков поступательного развития весь мусульманский мир был до основания потрясен монголами и, казалось, надолго отброшен назад в культурном, цивилизационном и историческом развитии. Практически нигде в мусульманском мире не оказались готовы проявить способность к сплочению, к объединению сил для организации эффективного отпора монгольскому нашествию. Тут, однако, нам хотелось бы отметить, что одна из таких попыток все же была предпринята султаном Джалал ад-Дином Манкбурны при его вторжении в Грузинское царство.

Несмотря на ослабление Аббасидского Халифата к XI веку, именно в его пределах появились выдающиеся ученые и знатоки права — ал-Газали, ал-Маварди, Ибн-Сина, ал-Бируни, а также один из величайших поэтов, Фирдоуси. При этом, политический кризис очевиден в пределах всего мусульманского мира — от Кордовы до берегов Инда мы наблюдаем в XI-XIII вв. десятки враждующих друг с другом государств и, казалось, войны эти будут продолжаться бесконечно (Boyle 1968: 322-335; История Востока 2000: 275-283; Васильев 2005: 281-287).

Многие ученые, занимавшиеся изучением катастрофического для исламского мира вторжения войск Чингиз-хана, считают, что оно, отчасти, было спровоцировано известным обращением к монголам халифа ан-Насира, якобы, призывавшем к вторжению в мир ислама, погрязший в междоусобицах (Мирхонд 1339: 25; Ибн ал-Асир 1940: 119; ал-Макризи 1934: 218; Ibn al-Athir 1874-1876: 147-149; Ибн ал-Джаузи 1952: 634). Особенно опасался халиф ан-Насир войск Хорезмшаха Ала ад-Дина Мохаммеда, который уже дважды (в 1215г. и в 1217г.) пытался добраться до Багдада, но, в силу недостаточной подготовленности, оба его похода провалились (Хондемир 1333: 140; Мирхонд 1339: 74-75; Рашид ад-Дин 1952: 187; Ибн ал-Джаузи 1952: 582; ан-Насави 1973: 64).

В 1215г., добравшись до Тавриза (столицы Северного Ирана), Хорезмшах Ала ад-Дин перед решающим броском на Багдад остановился на несколько месяцев в ее (возле современного Тегерана), и сюда же к нему с изъявлением покорности и вассальной зависимости прибыли правители Ширвана, Исфагана, Фарса и Хамадана. А знатные люди и купечество Тавриза пожаловались Хорезмшаху на притеснения и разорительные походы грузинской армии. Хорезмшах Ала ад-Дин послал грузинскому царю письмо, полное угроз, и обещал в будущем совершить карательный поход на Грузию.

После ожидаемого захвата Багдада Хорезмшах рассчитывал совершить глубокий поход на восток с целью покорения Китайского царства и степных просторов Монголии (Juzkani 1881: 270-272; Рашид ад-Дин 1952: 186; Juvaini 1958: 365; ан-Насави 1973: 45,61). В то же время, с 1203 г. он ежегодно и целенаправленно уничтожал правителей каракитаев, персидских и сельджукских правителей отдельных областей и крепостей Мавераннахра, Хорасана, Фарса, Хузистана, Джибала, Мекрана, Мазендарана и других частей пограничных стран. Хорезмшах жаждал полной власти

над всеми мусульманскими странами и тоже мечтал о мировом господстве. С самого начала правления он последовательно ослаблял сопредельные страны, таким образом “расчистив поле” перед наступающей монгольской армией Чингиз-хана. Это тоже послужило одной из причин отсутствия организованного сопротивления монгольским войскам в пределах всего мусульманского мира. Мы не будем подробно останавливаться ни на причинах конфликта между державой Хорезмшаха и монгольским “Великим Улусом” Чингиз-хана, ни на знаменитой “катастрофе в Отраре”. Отметим лишь, что многие современники даже в мусульманском мире с упреком говорят о несоблюдении Хорезмшахом общепринятых норм — это он, в частности, приказал наместнику Отрара в 1218г. истребить караван купцов из Монголии, 450 из которых были мусульманами и 150 - монголами (Рашид ад-Дин 1952: 189; Juvaini 1958: 81; ан-Насави 1973: 80; Гумилев 2009; 221). Единственным человеком из окружения Хорезмшаха, который не был согласен с его действиями и даже предложил выдать монголам наместника Отрара Гийар-хана Инала, был сын Джалал ад-Дин, но льстивых советников оказалось больше, и Хорезмшах не прислушался к совету Джалал ад-Дина.

В сентябре 1219 г. войска Чингиз-хана подошли к Отрару и владениям государства Хорезмшахов в Мавераннахре. По китайским источникам, у монголов было не более 250 тыс. воинов, причем сами монголы в этой армии составляли не более 200 тыс., а остальные были воинами из покоренных стран и племен кочевников. Подобная практика была характерна для монголов и в будущем. А у Хорезмшаха под рукой было более 400 тыс. закаленных в походах воинов. Однако численность войск не всегда имеет решающее значение. Вместо того, чтобы по совету Джалал ад-Дина перейти через Сыр-Дарью, встретить армию монголов в открытой степи и дать им генеральное сражение, Хорезмшах Ала ад-Дин своими действиями в итоге лишь помог Чингиз-хану разгромить свои войска. Он разделил свою армию на несколько частей, он рассчитывал на то, что монголы не умеют штурмовать крепости. Но к тому времени монголы уже покорили северный Китай и везли с собой пленных китайских инженеров и мастеров по изготовлению осадных машин.

Хорезмшах отправил 50 тыс. воинов в Отрар; в Бухаре было 30-тысячное войско, не считая не менее 30 тыс. городского ополчения; в Самарканде—10 тыс. воинов, 20 боевых слонов и 50 тыс. местного городского ополчения; около 100 тыс. воинов обороняли столицу государства Гургандж (Ургенч) и еще 50 тыс. союзных Хорезму кочевников было послано впоследствии на помощь Гурганджу, но ничего не помогло (Рашид ад-Дин 1952: 198-199; Juvaini 1958: 86-87; ан-Насави 1973: 82) Киракос Гандзакети (1976: 154) называет осадные орудия монголов *пиликванами*. Используя китайские осадные орудия, “черепахи”, тараны (“матарис”), катапульты (“манджанак”) и баллисты (“даббабат”) монголы поочередно взяли все основные города Мавераннахра и уничтожили раздробленные войска Хорезмшаха. Это привело к бегству самого Ала ад-Дина в Мазандаран, на берег Каспия. В апреле 1220 г. он вышел в море на небольшом судне с двумя десятками сопровождавших его слуг и спрятался от монголов на острове Ашур-Ада, где и скончался в декабре 1220 г. За

несколько дней до смерти Хорезмшах Ала ад-Дин объявил султаном и своим наследником Джалал ад-Дина, но, когда через месяц последний прибыл в осажденный монголами Гургандж, эмиры различных по этническому составу войск Хорезма не признали его полномочий и собирались его арестовать. Узнав об этом от верных себе командиров, Джалал ад-Дин бежал ночью в сопровождении эмира Тимур-мелика и 300 всадников в Несу. Здесь он встретил отряд монголов из 700 воинов, отправившихся в Хорасан на грабежи селений. Джалал ад-Дин без колебаний атаковал монголов, так что из отряда вернулось не более десятка воинов (Ibn al-Athir 1874-1876: 254; Рашид ад-Дин 1952: 119-121; Juvaini 1958: 403; ан-Насави 1973: 104-105). Укрепившись в Нишапуре, Джалал ад-Дин начал рассылать гонцов во все провинции Мавераннахра, Ирана, Ирака, Сирии и Афганистана с призывом присоединиться к нему для борьбы с монголами. Чингизиды были безжалостны ко всем, без различия пола, возраста, веры. Достаточно вспомнить, что, по сведениям Рашид ад-Дина, после взятия Гурганджа монголы отвели половину войск на юг, в Хорасан, а оставшиеся 50 тыс. воинов впоследствии отчитались об уничтожении каждым 24 мирных жителей стариков, женщин и детей, то есть в совокупности речь идет о 1 млн. 200 тыс. человек (Рашид ад-Дин 1952: 217; Juvaini 1958: 125-127). Подобное повторилось после захвата Несы, Балха, Нишапура, Герата, Кандагара, Шираза, Исфагана, Тавриза, Мерва и других городов. Казалось, монголы своей безжалостностью по отношению к пленным должны были возбудить к себе ненависть и желание бороться с ними хотя бы исходя из инстинкта самосохранения. Однако, мы становимся свидетелями иного явления массовое бегство от монголов, стремление выжить в глухих горах, дремучих лесах, заброшенных пустынях и безжизненных болотах становится доминантной приметой времени. Непонятно, откуда появились надежды той же иранской (особенно в западной части Ирана), грузинской (особенно после неудачной битвы с авангардом монгольской армии в 1221 г. у города Хунани) и армянской знати (особенно после безжалостного разорения всего северного и восточного Ирана в 1220-1221 гг.), что, насытившись убийствами миллионов людей в Центральной Азии, Иране и Индии, Афганистане и Китае и ограблением сотен городов, монголы удовлетворятся достигнутым и уйдут к себе домой, в пустынные степи Монголии.

Нет ни одного указания в источниках периода о том, где, когда и у кого впервые возникла подобная наивная надежда, но у разных народов в одно и то же время мы наблюдаем в высших слоях общества эту “страусиную позицию”. И пассионарии, подобные султану Джалал ад-Дину и эмиру Темур-мелику, вызывали откровенное раздражение и страх даже своими речами, не говоря уже об их действиях. А ведь они призывали к напряжению всех сил и сплочению воедино вопреки конфессиональным и этническим различиям и борьбе на пределе возможностей против монгольской чумы. Возможно допустить, что султан хорезмийцев стремился восстановить державу своего отца и все понимали, что, укрепившись или отбросив монголов, он будет обладать неограниченной властью. Но, в любом случае, ситуация диктовала безусловное объединение всего мусульманского мира для отражения монгольского нашествия.

Узнав о первой локальной победе Джалал ад-Дина, монголы бросили в погоню за ним отряд в несколько тысяч воинов. Султан Джалал ад-Дин стремительно ушел от погони на восток, к Газни и здесь получил неожиданную помощь в виде 10 тыс. всадников во главе с эмиром Амином ал-Мулком (Джужджани 1881: 288; Рашид ад-Дин 1952: 220; ан-Насави 1973: 109). Джалал ад-Дин тут же бросился к Кандагару и рассеял дважды превосходившую его монгольскую армию. Сразу после этой победы к нему под Кандагар явились 30 тыс. халаджей во главе с эмиром Сайф ад-Дином, 30 тыс. афганцев с эмиром Музаффар Маликом, не менее 20 тыс. карлуков, более 30 тыс. персов и хорезмийцев еще бы, впервые с сентября 1219 г. большое монгольское войско бежало от султана Джалал ад-Дина (Вардан Великий 1861: 189; Вардан Бардзбердци 1862: 177; Рашид ад-Дин 1952: 200; Juvaini 1958: 404, 463). Затем последовала победа над монголами у крепости Валиян: возглавлявшие нойоны Текечук и Молхор с позором бежали от султана Джалал ад-Дина. А в мае-июне 1221 г. у городка Парване в центре афганских гор хорезмийцев нагнала армия Шиги Хутуху-нойона Чингиз-хан отправил одного из самых опытных своих полководцев в погоню за Джалал ад-Дином. Используя рельеф местности, Джалал ад-Дин ввел в бой треть своих войск, но и этого оказалось достаточно, чтобы монголы побежали, а посрамленный Шиги Хутуху был с позором изгнан из армии. Чингиз-хан понял, что против молодого Джалал ад-Дина ему придется лично возглавить армию. А у Джалал ад-Дина произошла непредвиденная потеря не сумев разделить богатую добычу после битвы у Парване, халаджи и афганцы покинули султана, несмотря на все его уговоры. Как только они покинули лагерь хорезмийцев, монголы окружили их и истребили поодиночке.

Летом 1221 г. уже сам Чингиз-хан со сотысячной армией монголов бросился в погоню за Джалал ад-Дином. Хорезмийцы отступили в Гардез, затем через Хайберский перевал ушли из Афганистана в Северную Индию. И только на берегах Инда войска монголов настигли наследника Хорезмшаха. Три дня монголы сражались с тридцатитысячной армией султана Джалал ад-Дина. Когда у султана осталось всего 700 воинов, Чингиз-хан приказал охватить их полукольцом и прижать к отвесной скале, а самого Джалал ад-Дина взять в плен живым. Увидев безвыходность своего положения, султан стегнул коня и на глазах у изумленных монголов бросился в воды Инда. Выбравшись на другой берег, Джалал ад-Дин успел погрозить оттуда саблей монголам и скрылся в прибрежных тростниках.

Собрав около трех тыс. уцелевших воинов, он победил войска раны (князя) Джуда, а затем ему удалось занять Мултан и Лахор, Синд и Пешавар (Рашид ад-Дин 1952: 224; Juvaini 1958: 142; ан-Насави 1973: 133). Сюда, в Индию к нему явилось 6 или 7 эмиров отца со своими войсками. Джалал ад-Дин снова возглавил армию в 25 тыс. воинов и осадил Парасравар. Тем временем, Чингиз-хан отправил в погоню за султаном тридцатитысячный корпус, а сам ушел на север, в Мавераннахр. И в это время, раздраженный успехами Джалал ад-Дина в Индии, делийский султан Илтутмыш со сотысячной армией выступил против Джалал ад-Дина. Генерального сражения не состоялось: несмотря на трехкратное превосходство в численности, султан

Дели явно опасался открытого сражения с хорезмийцами. Илутмыш вступил в переговоры и предложил хорезмийцам покинуть Индию поскольку “климат в этих краях вреден для здоровья” (Juvaini 1958: 143; ан-Насави 1973: 135).

В 1224 г. весной Джалал ад-Дин принял решение вернуться в Иран, обратиться за помощью к багдадскому халифу, восстановить власть во всех областях, некогда подчиненных его отцу и продолжить борьбу с монголами. Этому решению способствовало известие о том, что Чингиз-хан с большей частью армии уходит в Монголию, а в восточном Иране остались лишь небольшие гарнизоны. За полтора месяца Джалал ад-Дин пересек пустыню Кермана, потеряв при этом более 20 тыс. воинов. Он вышел к Керману с 4 тыс. воинов, эмир Барак открыл ему ворота города и даже выдал замуж свою дочь за султана (Ибн 1940: 277-278; Рашид ад-Дин 1952: 238,246; Juvaini 1958: 417, 477). Отсюда султан отправился в Фарс, без боя занял Исфаган. Атабек Фарса Саад ибн Занги изъявил ему ал-Асир покорность, как и атабек Йезда Ала ад-Доула. Затем хорезмийцы отправились на север Ирана, занял Хамадан и весь Атурпатакан с Тавризом. На сторону Джалал ад-Дина перешли десятки тысяч воинов этих областей. Против хорезмийцев халиф ан-Насир отправил двадцатитысячную армию, немедленно рассеянную Джалал ад-Дином (Ибн ал-Асир 1940:175; Ибн ал-Джаузи 1952: 669). Хорезмийцы захватили весь западный Иран и большую часть Ирака, но не рискнули осадить Багдад султан Джалал ад-Дин жил в постоянном ожидании нового похода монголов. Он обратился к эйюбидским эмирам Хлата и Эрзерума и иконийскому султану Кей-Кубаду с предложениями о союзе.

В мае 1225 г. Джалал ад-Дин занял Марагу и по просьбе жителей этого города стал готовиться к походу на Грузию. Снова он ожидает союзных действий от мусульманских правителей, надеясь, что единство веры, историческая, культурно-хозяйственная и этническая близость должны подтолкнуть их к этому. Наиболее дорожелательным был ответ сельджукида Кей-Кубада, другие же, в том числе египетский султан, не спешили с ответом. В июле 1225 г. хорезмийцы разграбили Тавриз и отправились походом на Грузию. Возле села Гарни в гаваре Вайоцдзора 60-ти тыс. армия грузин и армян во главе с амирспасаларом Иване Мхаргдзели поджидала хорезмийцев. Неожиданная ночная атака хорезмийцев привела к замешательству и отступлению союзной грузино-армянской армии. Этому поражению грузино-армянской армии способствовало и неудачное расположение лагеря на плоскогорье перед Гарни. Битва при Гарни детально описана в грузинской и армянской историографии (Сихарулидзе 1967: 62-78; Маргарян 1982: 61-79). После поражения грузинской армии Джалал ад-Дину покорились Ширван, Гянджа и другие области. В феврале 1226 г. хорезмийцы двинулись к столице Грузии (Степанос Орбелян 1910: 292-293; Картлис Цховреба 1959: 170-171; Мурадян 1979: 203; Степанос Орбелян 1986: 341; Картлис Цховреба 2008: 339-340). Царица Русудана (1223-1245 гг.) бежала вместе с придворными на запад, в Кутаиси. И в том же феврале 1226 г. состоялась встреча в крепости Бжни Джалал ад-Дина с амирспасаларом Авагом, сыном атабека Иване Мхаргдзели. Судя по описанию, султан Джалал ал-Дин явился в крепость Бжни, родовое владение рода Мхаргдзели, в сопровождении всего лишь

одного телохранителя. И этот факт тоже характеризует личность Джалал ад-Дина. О факте встречи Авага Мхаргрдзели и Джалал ад-Дина сохранились сведения как в христианских (грузинских и армянских), так и в мусульманских источниках. Грузинская “Картлис Цховреба”, армянские историки Вардан Бардзбердци, Степанос Орбелян намекают, что инициатива организации встречи исходила от султана Джалал ад-Дина. Несмотря на то, что грузино-армянские войска были им разбиты, султан хорезмийцев стремился к союзу с этой армией. Надо полагать, что, вопреки этому поражению, войска Грузинского царства произвели на него позитивное впечатление. Кроме того, Джалал ад-Дину не откажешь в трезвой оценке сложившейся ситуации с востока ожидаются новые монгольские армии, с запада ему никак не удастся договориться с мусульманскими владетелями, а грузинская армия вполне боеспособная сила и могла бы стать союзницей в борьбе с монголами. Мусульманские авторы тоже знают о факте переговоров султана Джалал ад-Дина с грузинским царским домом, но упоминают об этом мельком, как бы, не придавая им особого значения.

На переговорах в крепости Бжни Джалал ад-Дин заявил Авагу Мхаргрдзели: “Я пришел к вам с миром и согласием. Я не хотел разорять и опустошать ее. Но вы вдруг быстро вооружились и выступили против меня. Сейчас же ты, как один из главных вельмож (визирей) грузинского правящего дома, выслушай меня. Знаешь ли ты о величии моего рода и великом государстве Хорезмшахов, которому подчинялись вся Персия (Иран), а также Туран (степи Центральной Азии), Хатаети (Китай) и весь восток (до Океана). Однако Бог и судьба лишили нас удачи и я, сын великого владыки Хорезмшаха, был побежден в сражениях их предводителем Чингиз-каганом; повсюду я был пересилен монголами и сил моих не хватало для победы. Я был вынужден оставить мое государство, и направился к Грузии с миром. Я наслышан о доблести грузин и мощи вашего государства и поэтому предлагаю соединить наши силы и вместе бороться с врагами. Я знаю, что у вас правит страной женщина, сделайте меня ее мужем и царем вашим и мы одолеем всех врагов. Но если вы не сделаете так, то и ваше государство будет разгромлено (монголами). Даже если я сейчас развернусь и уйду, не разоряя Грузии, то монголы-то уже здесь, а вы одни не сможете им противостоять. Пошлите гонца к царице вашей и сообщите о моем предложении. Если вы согласитесь со мной, то я не стану разорять Грузинское царство и между нами будет мир” (Картлис Цховреба 1959: 172-173).

Несколько иной русский перевод этого отрывка из грузинской летописи предлагает Г.В. Цулая: “Пришел я в Грузию не из (желания) опустошить ее, но ради мира и согласия. Однако вы спешно вооружились и сурово со мной схватились, и не стало мира. Ныне же выслушай меня, ты, знатнейший из грузин и визирь царского двора: известны ли вам род мой, племя мое, величие и обилие царство моего и то, что ни одному владыке непосильно было равняться со мной? Я - сын высокого и великого царя Хорезмшаха и под властью моей была Персия от Адарбадагана до Джеона и от Джеона до Индии, а (также) Туран, Хатаети, Чин-Мачин и весь Восток. Но по промыслу всевышнего явились в стране Чинетской, в земле неведомой, называемой Каракорум, люди некие дивные с чуждым языком и с чуждым жизненным бытом,

которые подчинили весь Восток и сокрушили множество государей. Царем своим они сделали человека дивного, глубоко сведущего в делах, отважного в бою, по имени Чингиз-хан. И как только прибрал он к рукам Хатаети, я двинулся на него с войсками из Ирана, Турана, Персии, Туркомана и многократно сражался с ним по ту сторону Джеона, а последний раз и по сю сторону Джеона. Но покинуло счастье дом Хорезмшахов, и всюду я был осилен. Когда же приумножилась мощь его, и понял я, что не стало более сил у меня и покинул я царство мое и пришел в Грузию в поисках мира и союза. Ведома мне твердость страны (вашей) и боевая отвага племени грузинского, и я желаю теперь объединиться с вами в твердой клятве и совместно бороться с врагами. Слышал я, что царствует над вами женщина, сделайте меня супругом ее и вашим царем и одолеем мы всех врагов наших. Когда же вы не примите этого, да разорится царство ваше. И пусть я даже удалюсь, но татары-то пришли и не выдержите вы борьбы с ними” (Картлис Цховреба 2008: 340).

Несмотря на лексические различия, в обоих отрывках сохранился основной посыл султан хорезмийцев делает вполне конкретное предложение союза грузинскому правящему дому. Мы становимся свидетелями дипломатических усилий Джалал ад-Дина, но при этом не покидает ощущение, что он делает это несколько второпях, без солидного обоснования. Возможно, встреча, которая продолжалась несколько часов, содержала и другие вопросы или детали, однако они до нас не дошли, а то, что сохранила грузинская летопись, позволяет нам делать обобщения отнюдь не в пользу дипломатических талантов султана хорезмийцев. Возможно, он спешил, прекрасно осознавая, что он окружен со всех сторон врагами и следует быстрее определиться с друзьями или хотя бы с союзниками. Но в таком случае к переговорам нужно было подготовиться основательнее и привести более продуманные аргументы, вместо того, чтобы запугивать грузин и армян жестокостью и непобедимостью монголов. С одной стороны, султан показал себя смелым воином и бесстрашным полководцем, умеющим выигрывать сражения даже у лучшей в мире на тот период времени монгольской армии. С другой стороны, он пытается сколотить союз мусульманских правителей, апеллируя к вере и вызывая к джихаду против монголов и хорезмийцев, и персов, и афганцев, и арабов, и курдов, и сельджуков. И когда эти его обращения не находят отклика, он обращается к христианской Грузии. Сам по себе союз христианского государства с мусульманскими соседями не был чем-то из ряда вон выходящим. Однако грузинская высшая знать (*дидебулы*) отвергла саму идею такого союза впрочем, не потому, что, как пишет летописец, “пришли к выводу о недостойности брака царицы с беглым султаном”, так как через некоторое время тот же совет дидебулов не возражал против брака царицы с сыном иконийского сельджукского султана. Таким образом, не из соображений религии или “инородства” Джалал ад-Дина совет грузинской знати отказал в браке хорезмийскому султану. Браки, заключенные из государственной целесообразности, были в то время обычным делом. Так, эйюбидскому эмиру Хлата Малику Аухаду была отдана в жены сестра амирспасалара Авага Мхаргдзели Тамта, а после смерти мужа, она стала женой его брата, нового малика (Грузинский хронограф, 1971: 68; Картлис Цховреба 2008: 340). Дочь

самой царицы Русудан по имени Тамара была любимой женой иконийского сельджукского султана Кей-Хосрова II (1236-1245 гг.). Удивительна судьба княгини Тамты — после того как султан Джалал ад-Дин взял штурмом Хлат, он сделал на короткое время своей женой ее. А когда монголы снова появились в Западном Иране и Джалал ад-Дин был убит, Тамту захватили в плен монголы и, очарованные ее красотой, воспитанием и благородством, отправили в Каракорум к великому кагану Угэдею (1229-1241гг.). Спустя годы Тамта вернулась домой из монгольского Каракорума с грамотой на хлатские владения и налоговым иммунитетом от великого кагана монголов (Овсепян 1969: 5; Киракос Гандзакечи 1976: 119, 182).

Известно, что и князь Арцаха Хасан Джалалян, который был в эти годы вассалом грузинского царского престола, выдал свою дочь Рузукан за сына Нойона Чормагана Бора-нойона, что, однако, не избавило самого князя от мучительной смерти в 1261 г. от монгольского меча по обвинению в участии в тайном антимонгольском заговоре грузинского царя (Киракос Гандзакечи 1976: 235). Таким образом, очевидно, что браки с мусульманскими правителями не были редкостью.

Совет грузинской знати, скорее всего, не поверил в реальность монгольского вторжения. Недостаточная информированность грузинской знати и царского двора о монголах, их беспощадности к захваченным странам и народам привела события к трагическому исходу — уже через месяц, в марте 1226 г. после переговоров в Бжни, султан Джалал ад-Дин захватил незащищенный Тбилиси и устроил страшный погром жителей (Сихарулидзе 1967: 64-65; Картлис Цховреба 2008: 341-342). Некоторые исследователи допускают, что “грузинские феодалы не представляли себе реальной угрозы со стороны монголов и проявляя дипломатическую близорукость, надеялись с помощью неизвестного народа избавиться от могущественного соседа” (Цулая 1981: 118). Интересно, что подобные мысли получили распространение и в среде крестоносцев, и в Европе среди различных правящих фамилий были популярны идеи о монгольской помощи христианскому миру в противостоянии с мусульманским халифатом. Даже Папа Римский исходил из того же посыла, когда отправил к великому кагану монголов посольство Плато Карпини. Об этом же очень образно рассказывает Киракос Гандзакечи, когда, описывая появление монголов в Армении, подчеркивает: “...распространилась ложная молва, будто они... христиане по вере и пришли отомстить мусульманам за притеснения христиан... А какой-то светский иерей, собрав своих прихожан, с крестами и хоругвями даже вышел навстречу им” (Киракос Гандзакечи 1976: 138). Совершенно очевидно, что подобные взгляды на монголов были распространены и в среде грузинской знати.

Возможно и другое: члены царского совета задумались о будущем союза с хорезмийским султаном, полагая, что если борьба с монголами будет удачной и их удастся прогнать на восток, то сам султан Джалал ад-Дин укрепитя настолько, что это станет угрозой для них самих.

Интересна также позиция анонимного автора грузинской летописи “Жамтаамгцерели”. Явно осуждая султана хорезмийцев за бесконечные жестокие расправы над жителями Тбилиси и упрямые требование отречься от веры, он тут же выра-

жает искреннее восхищение воинскими качествами Джалал ад-Дина: “Султан Джалалдин воин доблестный и храбрый, мужественный и бесстрашный, словно не из плоти (бестелесный), силач отменный и бесподобный в боях” (Грузинский хронограф 1971: 119-120; Картлис Цховреба 2008: 336). А вот в отношении дипломатических талантов султана хорезмийцев не только в христианских, но и в мусульманских персоязычных источниках мы нигде не встретим похвалы или восхищения. Как переговорщик и дипломат Джалал ад-Дин не проявил себя в сложных событиях периода монгольского вторжения.

Возможный союз с христианским Грузинским царством не состоялся, и нельзя в этом видеть высокомерие или недопонимание ситуации одной из сторон. Плохой дипломат не сумел убедить грузинских князей в грозящей катастрофе и необходимости предельного напряжения сил хотя бы для самосохранения. “Последний лев ислама”, как его образно называют мусульманские историки, потерпел поражение в войнах с монголами уже через четыре года, а в 1231г. был убит возле Амиды.

Плато Гарни – место предполагаемого лагеря грузино-армянского войска в битве 1225 г. с хорезмийской армией

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильев Л.С. (2005), *История Востока. Курс лекций*, т. 1. М.
- Вардан Бардзбердци (1862), *Всеобщая история Вардана Бардзбердци*, Венеция (на армян. яз.).
- Вардан Великий (1861). *Всеобщая история Вардана Великого*, перевод Н.О. Эмина, Москва.
- Грузинский хронограф* (1971), перевод на армянск. яз. с древнегрузинского П.М. Мурадяна, Ереван.
- Гумилев Л.Н. (2009), *О поисках вымышленного царства*, Москва.
- Ибн ал-Асир (1940), *Тарих ал- Камиль*, перевод с арабского П.К. Жузе, Баку.
- Ибн ал-Джаузи (1952), *Мираат ас-заман фи тарих ал-айан*, т.8, часть 2, Хайдарабад (на перс. яз.).
- История Востока* (2000), т.2, под ред. Р.Б. Рыбакова, Москва.
- Картлис Цховреба* (1959), под ред. академика С. Каухчишвили, т.2, Тбилиси,
- Картлис Цховреба (История Грузии)* (2008), под ред. академика Р. Метревели (русский перевод), Тбилиси.
- Киракос Гандзакечи (1976), *История Армении*, перевод и изд. Л.А. Ханларян, Москва.
- ал-Макризи (1934), *Китаб ас-сулук ли-марифат дувал ал-мулук*, т.1, ч.1, Каир (на арабск. яз.).
- Маргарян А.Г. (1982), “К истории Гарнийской битвы”, *Вестник общественных наук АН Армянск. ССР*, № 3, (на армян. яз.).
- Мирхонд (1960), Роузат *аз-сафа*, т. 3, часть 3, Тегеран (на перс. яз.).
- Мурадян П.М. (1979), “Рецензия на книгу С.А. Авякяна “Лексические разыскания по армянской эпиграфике”, *Вестник ЕГУ (общественные науки)*, № 2, Ереван (на армянск. яз.).
- ан-Насави Мухаммад (1973), *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*, перевод З.М.Буниятова, Баку.
- Овсепян Г. (1969), *Хабхякяны или Прошяны в истории Армении*, Антилиас (на армянск. яз.).
- Рашид ад-Дин (1952), *Сборник летописей*, т.1, кн. 2, перевод О.И. Смирновой, М.-Л.
- Ру Жан-Поль (2018), *История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней*, СПб.
- Сихарулидзе Ю.М. (1967), *Борьба грузинского народа за независимость в XIII-XIV вв.*, Тбилиси (на груз. яз.).
- Степанос Орбелян (1910), *История области Сюник*, Тифлис (на армянск. яз.).
- (1986), *История Сюника*, Ереван (на армянск. яз.).
- Хондемир (1333 год хиджры), *Тарихи хабиб ас-сийар фи ахбар афрад баиар*, т. 4, Техран (на перс. яз.).
- Цулая Г.В. (1981), “Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции”, *Летописи и хроники*, Москва.
- Boyle J.A. (1968), “Dynastic and Political History of the Il-Khans”, *The Cambridge History of Iran*, vol. 5: 303-334.
- Juvaini (1958), *The History of the World Conqueror*, translation from Persian by J.A. Boyle, vol. 1-2, Manchester.
- Juzjani (1881), *Tabakat-i Nasiri*, translation from Persian by H.G. Raverty, vol. 1-2, Calcutta.
- Ibn al-Athir (1874-1876), *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. Tornberg, vol.12, Uppsaliae.